

«...ОБРАЗ МИРА, В СЛОВЕ ЯВЛЕННЫЙ»:
ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН И ИКОНИЧЕСКАЯ СЕМИОТИКА

С. Т. Золян^{1, 2}

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

² Институт философии, социологии и права НАН Армении
375010, Армения, Ереван, ул. Арами, д. 44

Поступила в редакцию 15.04.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-2

Обсуждается возможность альтернативной версии семиотики, в которой процесс семиозиса рассматривается как основанный не на метонимической символизации (за-мещении), когда одно предстает вместо другого, а на метафорической (иконической) репрезентации. Предлагается рассматривать отношение между означаемым и означающим как основанное на иконичности; при этом данное отношение определяется не физическим подобием, а понимается как конструируемое отношение. Отмечается, что основание для такого пересмотра отношения иконичности можно найти в трактате Лессинга «Лаокоон», а сама концепция дана в «Логико-философском трактате» Витгенштейна. Рассматриваются вопросы, связанные с иконической (недискретной) семиотикой, основанной на допустимости изоморфизма между означаемым и означающим.

Ключевые слова: знак, образ, иконичность, Лессинг, Витгенштейн, образная теория языка.

В образной теории языка иконичность понимается как логический изоморфизм между структурами, что позволяет расширить понятие иконичности, так как благодаря использованию вербальных средств денотатом образа может быть не только действительное, но и возможное и даже не-существующее. Тем самым появляется возможность отойти от лежащего в основе семиотики понимания знака как дискретного и символического явления, основанного на условной связи между означаемым и означающим. В качестве основы для альтернативной семиотики может быть принято витгенштейновское понимание базисного знака — как картины, то есть некоей целостной и состоящей из недискретных компонентов структуры, и системы, которая не составляется из заранее заданных знаков-компонентов, а сама формирует внутри- и межтекстовые структуры. Так могут быть описаны тексты, являющиеся знаками, но не состоящие из знаков (например, кинематограф, живопись); и эти тексты сами создают знаки в процессе функционирования. Соответственно возможна семиотика текста, в которой подобные явления можно рассматривать как первичные. Это будет недискретная (не предполагающая расчленение текста на единицы словаря) и/или иконическая семиотика, основанная не на догме об условности связи между означаемым и означающим, а на положении о допускающем различные проявления изоморфизме между ними.

1

Вынесенный в заглавие стих Пастернака (приписанный им доктору Живаго) может служить формулой семиотики, основанной не на метонимической символизации (замещении), когда одно предстает вместо другого, а на метафорической (иконической) репрезентации, причем репрезентируемым оказывается некоторая целокупность (мир), а не композиция, складывающаяся путем прибавления новых компонентов. Такой подход требует переосмысления основных понятий семиотики, начиная с самых основных — знака и знаковой системы². Начнем с тривиальных тавтологий. Семиотика — это теория знаковых систем. Знаковая система — это система знаков. Однако выясняется, что возможны знаковые системы, в которых нет знаков как исходно заданных единиц алфавита (например, кинематограф, живопись, архитектура). Ранее мы попытались показать, что различные версии семиотики — как Ф. де Соссюра, так и Ч. С. Пирса — основаны на таком понимании знака, которое можно назвать словоцентрическим (Золян, 2013; 2015). В таких семиотических теориях слово выступает как прототипическая сущность, предопределяющая их характер. Но и применительно к лингвистике подобной словоцентрической теории могут быть предложены альтернативы: можно представить лингвистику, развившуюся на основе описания инкорпорирующих языков, в которых выделение слова не может считаться интуитивно очевидной операцией. Однако для лингвистики такое изменение не стало бы критическим: определяя язык как систему знаков, мы не сводим ее к системе слов. Между тем знаковые системы без знаков — уже само по себе звучит как *contradictio in objecto*.

Тем не менее рассмотрим, какой могла бы быть семиотика, если в качестве основной модели знака ее основоположники рассматривали бы не слово, а те случаи, когда выделение знака и знаковой системы далеко не однозначно, если вообще возможно. Например, если бы они основывались на живописи. Отличие между картиной и словом — это не только различие между символическим и иконическим семиозисом, как это представлено в традиционной семиотике. Но для конструирования подобной альтернативной семиотики понятие иконичности (подобия) должно быть рассмотрено иначе, чем чувственно воспринимаемое и/или внешне выражаемое и наблюдаемое подобие.

2

В свое время Лессинг в трактате «Лаокоон» (Лессинг, 1953) поставил вопрос о двух типах семиозиса, двух типах «подражания». Различие между вербальным и изобразительным семиозисами основано не на различии символического и иконического обозначения, а на характере

---

² Безусловно, в данной цитате пастернаковское «слово» следует понимать как речь, в противном случае, если сосредоточиться на иконичности отдельного слова, проблематика ограничится лишь звуко-символизмом — интересным, но никак не центральным для семиотики феноменом.

манифестации «подражания» — разворачивается ли оно во времени («поэзия»), либо же это симультанная репрезентации в пространстве (живопись и скульптура). В семиотических терминах речь идет о членности/нечленности и линейности/нелинейности сообщения, что приводит к принципиально различным принципам семиозиса и внутренней организации сообщения. В одном случае сообщение есть соположенность в пространстве элементов, которые сами по себе могут и не являться знаками. Во втором сообщении организуется как следование знаков во времени. Слово «Пушкин» и портрет Пушкина — не просто различные формы (символическая vs. иконическая) обозначения одного и того же референта, но и различные сообщения. Разумеется, можно вообразить некоторые гибридные формы — скажем, составление портрета-фоторобота, когда изображение строится как синтагматическая последовательность комбинируемых компонентов (которые в данном случае действительно выступают в качестве знаков, элементов некоего алфавита). Однако в целом портрет человека не есть просто комбинация носа, подбородка, глаз и т. п. Между тем слово само членимо на знаки (морфемы) и незначимые элементы (фонемы/звуки) и само является компонентом знака более высокого уровня (словосочетания, предложения).

На это, кстати, было указано еще самим Лессингом, когда он на примерах из Гомера приводил отличия между описаниями «одного и того же» семиотически различными средствами: зарисованный щит Ахилла, гибель Лаокоона и изображающая этот эпизод статуя и др. Рассматривая описания посредством визуальных и вербальных знаков (текстов), Лессинг нащупывает те характеристики, которые не ограничиваются внешним сходством, а носят глубинный характер. Так, словесный знак оказывается действенным, со-творением объекта, а не его описанием. Иконичность вербального знака, в отличие от картины, приобретает динамический характер и воспроизводит подобие не между предметом и его вербальным образом, а может относиться к процессу. В терминах Лессинга — это различие между *живописанием* и *изображением*:

Но я увлекся мелочами и, по-видимому, забыл о щите, о щите Ахилловом, об этой прославленной картине, создатель которой Гомер издавна считается великим учителем живописи. Но щит, могут мне сказать, есть единичный материальный предмет, подробное описание которого, если следовать вашему правилу, не может быть дозволено поэту... На это частное возражение я отвечаю то, что уже ответил на него прежде. Гомер описывает щит не как вещь уже совсем готовую, законченную, но как вещь создающуюся. Следовательно, он и здесь пользуется своим прославленным художественным приемом, а именно: превращает сосуществующее в пространстве в раскрывающееся во времени и из скучного живописания предмета создает живое изображение действия. Мы видим у него не щит, а бога-мастера, делающего щит (Лессинг, 1953, с. 451, 460).

3

Подобный подход может быть развит, что дополнит принятые представления об иконичности. В приводимом Лессингом примере *изображается* именно действие, создание щита: «...из скучного живописания

предмета [Гомер] создает живое изображение действия». Между тем действие, в отличие от предмета, невозможно изобразить, это есть отношение между некоторыми объектами или ситуациями. Иконичность будет пониматься не как изначально существующее подобие между означаемым и означающим, а как операция, как процесс установления подобия.

В свое время Сергеем Вартазаряном было отмечено, что подобие между означаемым и означающим есть семиотический конструкт, а не естественным образом заданное предусловие иконичности:

Иконический знак не есть знак, основанный на *естественном* отношении подобия. Основным признаком его является конструктивность. Не просто отношение подобия между знаком и обозначаемым становится основой для существования иконического знака, но общность структур двух этих предметов... Эта общность еще должна стать предметом особого осознания, более того, отношение общности структур еще должно стать предметом особого конструирования. <...> Не просто общность структур знака и денотата, а общность, *устанавливаемая*, а зачастую и возникающая в практической деятельности субъекта, — в этом естественное основание существования иконического знака (Вартазарян, 1973, с. 114, 116).

«Очищение» отношения подобия от внешне наблюдаемых и чувственно воспринимаемых характеристик приводит к понятию изоморфизма, и при множестве различных пониманий этого термина определяющим для всех них является подобие отношений внутри различных систем элементов, а не самих элементов. Подобие элементов будет лишь частным случаем — как, например, в случае звукоподражания. Частично такое понимание иконичности содержится в ставшей классической статье Романа Jakobsona. Он усматривает отношение иконичности в синтаксисе, где устанавливается подобие не между объектами, а между такими абстрактными сущностями, как отношения. Например, порядок слов в предложении — отношение следования между его членами — есть отражение иерархии, или значимости, объектов, описываемых данным предложением. В этом Роман Jakobson опирается на произведенное Чарльзом Пирсом³ разграничение внутри иконов — на образы и диаграммы:

Теория диаграмм занимает важное место в семиотических исследованиях Пирса; он отдает должное значительным достоинствам диаграмм, вытекающим из того, что они являются «поистине иконическими знаками, естественно аналогичными обозначаемому предмету». Рассмотрение различных множеств диаграмм приводит Пирса к утверждению, что «каждое алгебраическое уравнение является иконическим знаком, поскольку оно представляет с помощью алгебраических знаков (которые сами иконическими не являются) отношения соответствующих количеств». Любая алгебраическая формула оказывается иконическим знаком в силу правил коммутации, ассоциации и дистрибуции символов. Таким образом, «алгебра —

³ Анализ концепции Пирса представлен в этом же выпуске в статье Ивана Фомина (Фомин, 2018) и поэтому нами не рассматривается.

лишь одна из разновидностей диаграммы», а «язык — лишь один из видов алгебры». Пирс отчетливо понимал, что, например, «аранжировка слов в предложении должна служить в качестве иконического знака, чтобы предложение могло быть понято» (Якобсон, 1983, с. 108).

Однако Роман Якобсон стремится лишь расширить традиционное понимание иконичности, не подвергая его радикальному пересмотру. Так, он определяет икон — и в этом случае ссылаясь на Пирса — как основанный на *физическом* подобии: «Действие *иконического знака* основано на фактическом подобии означающего и означаемого, например рисунка какого-то животного и самого животного; первое заменяет второе “просто потому, что оно на него похоже”» (Якобсон 1983, с. 104); сферу действия икона, цитируя Пирса, Якобсон ограничивает прошедшим: «Бытие иконического знака принадлежит прошлому опыту. Он существует только как образ в памяти» (Якобсон, 1983, с. 116) — хотя почему нельзя представить чертеж дома, который будет построен, или фотографию человека, которого мы никогда не видели? По-видимому, Якобсон, опять-таки опираясь на авторитет Пирса, был склонен в некотором смысле дезавуировать само разделение на эти три типа. Ведь если нет чистых типов и все знаки являются одновременно и иконами, и индексами, и символами, различие лишь в степени проявления этих характеристик, а идеальный знак — это знак, в равной мере их совмещающий, то возникает вопрос: а нужна ли сама эта классификация? Однако столь радикальных выводов Роман Якобсон не делает, что вполне правомерно — вопрос не в том, чтобы не замечать различие в отношениях между означаемым и означающим для различных типов знаков, а чтобы найти более адекватные критерии для их выделения.

Между тем, если трактовать иконичность как затрагивающую структуру отношений, а не их материализацию, то изменится сама трихотомия (символ, икон, индекс), основанная на рассмотрении соответствий между наблюдаемыми характеристиками означаемого и означающего:

Поскольку не естественная общность структур, а общность, устанавливаемая самим субъектом знакового поведения, является основанием для существования иконического знака, то сфера возможных общих структур оказывается чрезвычайно широкой. Так, скажем, общность может быть установлена между логической структурой категорического силлогизма и структурой соотношения некоторых геометрических форм. Но этот крайний случай показывает, что отношение иконичности не предполагает никакой мотивированности в смысле Соссюра (Вартазарян, 1973, с. 115).

4

В этой связи имеет смысл прояснить это «очищенное» понятие подобия, обратившись к тому, что можно считать истоком такого понимания. Помимо того, как это сделано в помещенной в данном номере статье Михаила Ильина (Ильин, 2018), под этим углом можно по-новому трактовать хорошо известную семантическую теорию Витген-

штейна и рассмотреть предоставляемые ею возможности для построения особой, иконической версии семиотики, которая будет отличаться от Пирсовского понимания.

Предлагаемая версия лингвистической и семиотической теории будет иметь в качестве прототипических основ не вербальные знаки (слова), а изобразительные (образы/картины). Лишенный «первородства», вербальный знак предстанет в этом случае не как символ, а как производный, как икон второго порядка. Эта теория была предложена в «Трактате» Л. Витгенштейна и получила название образной теории языка (точнее было ее назвать — «картинная» — поскольку в оригинале и в выверенном самим Витгенштейном английском переводе используются “Bild” и “picture”). Может показаться странным, но, несмотря на огромную известность, достаточно очевидное приложение этой теории в семиотике вряд ли можно считать реализованным. Видимо, это связано с укорененностью идущего с античных времен и ставшего основным постулатом Соссюрианской лингвистики и семиотики постулата о условной и немотивированной связи между означаемым и означающим.

4.1

Теория значения Витгенштейна не только не рассматривает слово как прототип знака для всех иных семиотических систем, более того — она отрицает за словом знаковый характер, способность что-либо значить вне контекста предложения:

3.144. ... (Имена подобны точкам, предложения — стрелкам, они имеют смысл.)

3.3. Только предложение имеет смысл; только в контексте предложения имя обладает значением.

3.142. Только факты могут выражать смысл; класс имен этого делать не может.

4.23. Имя выступает в предложении только в контексте элементарного предложения⁴.

Изображение на картине можно разбить на квадратики и на этом основании утверждать, что картина состоит из квадратиков, однако они сами по себе не будут иметь ни самостоятельного значения, ни функции. Аналогично предложение разбивается на слова и в этом отношении состоит из слов, но сами по себе имена не обладают смыслом:

3.141. Предложение не является смесью слов. (Так же, как музыкальная тема не является смесью звуков.) <...>

Как видим, смысл могут иметь только факты и только предложения (об их соотношении — ниже), но не имена или объекты⁵. Разумеется, подобный ригоризм в дальнейшем был значительно ослаблен в кон-

⁴ Здесь и далее цитаты приводятся по (Витгенштейн, 1958), для облегчения сверки с оригиналом и другими переводами приводятся не страницы, а пункты «Трактата».

⁵ Витгенштейн в некоторых случаях приписывает значение и именам, но только при соотношении их с объектами внутри целого: «3.203 A name means an object. The object is its meaning».

цепции позднего Витгенштейна, где значение связано уже не с фактами и предложениями, а с употреблением и правилами языковых игр, — но лишь потому, что чистый иконизм в данном случае осложнен еще и прагматическими факторами и как таковой теряет свое центральное положение (напомним: «"Языковой игрой" я буду называть также единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен» (Витгенштейн, 1958, с. 5).

Поскольку подобие устанавливается (как будет показано ниже) не между объектами, а между отношениями, то для установления подобия между ними требуется некоторая структура, и поэтому имя не может быть образом (как не может быть и символом). В рамках образной теории языка только предложение может выступать знаком, поскольку только в предложении можно выделить некоторую структуру отношений⁶.

В качестве минимального семантического (значимого) элемента в «образной» теории языка рассматривается предложение. Согласно Л. Витгенштейну, предложение есть образ, или изображение мира:

4.01. Предложение — образ действительности. Предложение — модель действительности, как мы ее себе мыслим.

Пропозиция, или предложение, есть репрезентация в знаках-символах языка некоторого «состояния дел», которое может быть представлено (воспринято) как некоторая «картина», «изображение»:

4.012. Очевидно, что предложение формы "aRb" мы воспринимаем как образ. Здесь, очевидно, знак есть подобие обозначаемого.

Даже вторичная буквенная фиксация этой «картины» не снимает исходной иконической («иероглифической») сущности языкового знака:

4.016. Для того чтобы понять сущность предложения, вспомним иероглифическое письмо, изображающее факты, которые оно описывает. И из него, не теряя существа отображения, возникло буквенное письмо.

Возникает примечательная абберрация: буквенное письмо есть «подобие» звучащей речи, а не изображаемых посредством иероглифов «фактов». Но Витгенштейн имеет в виду *сущность репрезентации* (*essence of the representation*), ведь и в буквенной записи предложение представляет некоторое положение дел, а не фонетическую запись, транскрипцию звучащей речи (такая ситуация возможна только в специфических

⁶ Заметим, что лингвистически это не совсем точно: Роман Якобсон справедливо усматривает иконичность в словообразовательной структуре слова, семантика слова в современных лингвистических описаниях предстает как свернутая структура предложения и т.п., то есть слово также есть некоторая структура. Однако это не снимает основного различия между словом и предложением: безотносительно к его этимологии и морфологии слово есть воспроизводимая цельная единица словаря, предложение же — это конструируемое отображение факта.

случаях: фонетические исследования, фонетический диктант для студентов-филологов и т.п., когда означаемым становится не мир и его объекты, а звуки языка). Поэтому «ошибка» Витгенштейна — только кажущаяся, он в самом деле говорит не о формах выражения, а о функциональной сущности. По Витгенштейну, предложение даже в письменной (буквенной) фиксации остается «картиной» и поэтому, как и при иероглифической записи или пиктограмме, именно «показывает» свой смысл (и даже «говорит»), а не «заклучает» или «скрывает» его — в связи с этим его не надо «выявлять»⁷ или же (если воспользоваться другой семиотической метафорой) «расшифровывать», «интерпретировать», «переводить»:

4.022. Предложение показывает свой смысл. Предложение показывает, как обстоит дело, если оно истинно. И оно говорит, что дело обстоит так.

4.2

Структура предложения отображает логическую структуру мира, поэтому подобие, по Витгенштейну, есть не подобие внешнего проявления, а подобие внутренней сущности, структуры. Благодаря чему становится возможным преодоление «символизма» языка, а типографские знаки оказываются «картиной» — именно потому, что они репрезентируют предложение, то есть нечто, обладающее внутренней структурой:

4.011. На первый взгляд, по-видимому, предложение — например, как оно напечатано на бумаге, — не является образом действительности, о которой оно говорит. Но ведь и ноты тоже не кажутся на первый взгляд образом музыки, и наши фонетические знаки (буквы) не кажутся образом нашей устной речи. И все же эти символика даже в обычном смысле слова оказываются образами того, что они изображают.

Не употребляя термин *изоморфизм*, Витгенштейн говорит о внутреннем изобразительном отношении (*pictorial internal relation*):

4.014. Граммофонная пластинка, музыкальная мысль, партитура, звуковые волны — все это стоит друг к другу в том же внутреннем образном отношении, какое существует между языком и миром. Все они имеют общую логическую структуру. <...>

4.0141. В том, что есть общее правило, благодаря которому музыкант может извлекать из партитуры симфонию, благодаря которому можно воспроизвести симфонию из линий на граммофонной пластинке и — по первому правилу — снова воспроизвести партитуру, — в этом заключается внутреннее сходство этих, казалось бы, совершенно различных явлений. И это правило есть закон проекции, который проектирует симфонию в языке нот. Оно есть правило перевода языка нот в язык граммофонной пластинки.

---

⁷ Напомним, что одной из базисных метафор является представление о языковых выражениях как упаковке, контейнерах для значений: “Linguistic expressions are containers” (Lakoff, Johnson, 1980, p. 10).

В самом деле, лишь с большой натяжкой можно говорить о подобии между нотной записью и бороздками на граммофонной пластинке, тогда как использование понятия «*изоморфизм*» вполне естественно: оно допускает и точную формализацию, и в то же время соотносится с одной из древнейших мифопоэтических и философских традиций относительно глубинного тождества макро- и микрокосма. Однако здесь стоит уточнить: приводимые Витгенштейном примером разнородны, они относятся к различным типам перевода. Так, изоморфизм между нотной записью и ее исполнением — это интерпретация, которая помимо фиксированного кода (соответствие нотных знаков музыкальным звукам) имеет прагматическое измерение, в данном случае личность исполнителя. Между тем преобразование этого исполнения в запись на каком-либо носителе и ее последующее воспроизведение будет иметь уже механический (автоматизированный) характер и определяться техническими параметрами каналов передачи (используемой аппаратуры). Кроме того, прямой «перевод *языка нот в язык граммофонной пластинки*» невозможен, хотя возможно установить соответствия между ними. Как видим, возможны различные типы изоморфизма между данными текстами (ноты, бороздки, последовательность звуковых волн, последовательность электромагнитных колебаний и т.д.), а также различные правила соответствия. Их градация в определенной мере соотносится со степенью релевантности субстанции (плана выражения, физических характеристик текста). Семиотическая значимость физических соответствий, а также строгость и предсказуемость правил соответствия отступают по мере увеличения значимости формы (плана содержания)⁸. Само установление соответствия, деавтоматизируясь, становится центральным компонентом создания значения — это процесс не перекодировки, а со-творения текста (воспользуемся глубокой интуицией Лессинга: исполнитель, в отличие от проигрывателя, воспроизводит нотный текст «*не как вещь уже совсем готовую, законченную, но как вещь создающуюся*»).

4.3

Столь необычный подход к образу требует уточнения: что же тогда изображает *образ*? По Витгенштейну, обозначаемым образом оказывается не объект, а некоторая абстракция, *смысл*. Как это оказывается возможным? Простейший подход (опровергнутый, кстати, еще Лессингом) заключается в том, чтобы «пересказать» картину посредством синонимичного ей предложения. В частных случаях это вполне оправданная процедура: например, нарисованный виноград в некоторых случаях можно свести к субституту символического обозначения («В этой лавке продают виноград»). Однако в целом такой «логоцентризм» резко

---

⁸ Противопоставление формы и субстанции в данном случае понимается в смысле Ф. де Соссюра: «Язык есть форма, а не субстанция», — что впоследствии было развито в глоссематике Л. Ельмслева.

ограничивает методологический и дескриптивный потенциал семиотики — куда продуктивнее исходить из того, что «нарисованный виноград есть не символ действительного винограда, а кажущийся виноград» (Маркс, 1959, с. 93).

Денотатом знака-икона выступает «кажущееся», что лишь в частном случае может совпасть с фактически существующим (например, в интерпретации картины и фотографии предполагается, что имеет место «действительный», а не кажущийся референт). Это кажущееся и есть «*смысл*» образа — так можно понять мысль Витгенштейна:

2.221. То, что образ изображает, есть его смысл.

При этом, в отличие от марксовского, витгенштейновское понимание образа предполагает его соотнесение с действительностью, почему, помимо *смысла*, и на образ распространяются такие семантические характеристики, как истинность и ложность:

2.222. Истинность или ложность образа состоит в соответствии или несоответствии его смысла действительности.

2.223. Чтобы узнать, истинен или ложен образ, мы должны сравнить его с действительностью.

2.224. Из образа самого по себе нельзя узнать, истинен он или ложен.

Но при этом внимательное чтение показывает, что понятие образа у Витгенштейна соотносимо скорее с возможным, нежели с актуальным положением дел:

2.202. Образ изображает возможные положения вещей в логическом пространстве.

2.203. Образ содержит возможность того положения вещей, которое он изображает.

2.22. Образ изображает то, что он изображает, независимо от своей истинности или ложности, через форму отображения.

Можно заметить: если применительно к предложению Витгенштейн подчеркивает «изобразительные аспекты», то применительно к «картине» — логические. «Перемещение» референта образа из сферы действительного в сферу возможного приводит к его помещению в пространство логического, и подобие редуцируется до чистого отношения внутри некоторой структуры. В отличие от «кажущегося», «наглядность» образа есть не всегда внешне проявляемая репрезентация его логического (формального) изоморфизма с «формой действительности»:

2.11. Образ изображает факты в логическом пространстве, то есть в пространстве существования или несуществования атомарных фактов.

2.18. То, что каждый образ, какой бы формы он ни был, должен иметь общим с действительностью, чтобы он вообще мог ее отображать — правильно или ложно, — есть логическая форма, то есть форма действительности.

2.181. Если форма отображения является логической формой, то образ называется логическим.

2.182. Каждый образ есть *также* логический образ. (Напротив, не каждый образ есть, например, пространственный образ.)

Однако сама эта форма может быть выявлена лишь посредством другого образа:

2.172. Но свою форму отображения образ не может отображать. Он ее обнаруживает.

5

Вышеизложенное, а также и ряд других не затронутых здесь аспектов «изобразительной» («картинной») теории языка требуют дальнейшей углубленной разработки. В первую очередь, это касается рассмотрения тех возражений, которые были выдвинуты в рамках дискуссии об истинности и значении предложений. Представленная в более общем виде, образная теория языка — это лишь в иных терминах сформулированная корреспондентная теория истины и значения: предложение отражает некоторый факт, некоторое положение дел. Этот факт — также есть образ. Но существует ли независимый от языка факт? Ведь «факт» есть не что иное, как сформулированное средствами языка некоторое описание дел, вне языковых средств не выразимое. Тем самым это не соответствие между некоторыми независимыми явлениями (предложением и фактом), а некоторая характеристика самого предложения — оно выделяет некоторое описание в качестве факта. Подобное возражение выдвинуто Питером Стросоном (P. Strawson) и впоследствии было поддержано и развито Джоном Сёрлем (J. Searle, 1995). В частности, в главе «Strawson's objections to the Correspondence Theory» Сёрль отмечает:

Не случайно, что корреспондентная теория истины идут рука об руку с образной теорией значения, теорией, согласно которой предложения имеют то значение, которое они имеют, поскольку они есть конвенционализированные картины фактов. Классическим утверждением этой концепции является *Трактат* Витгенштейна. Эта концепция корреспондентной теории наталкивается на хорошо известные проблемы. Например, даже если имеет смысл представлять тот факт, что кошка находится на коврике как некий комплекс, состоящий из кошки, коврика и отношения между ними, то как быть с фактом, что никакой кошки на коврике нет? Или с тем фактом, что не существует трехголовых кошек? Или с тем фактом, что если бы кошка была на коврике, то собака должна была бы быть на кухне? (Searle, 1995, p. 204) (пер. с англ. наш. — С. 3.).

Действительно, следует особо рассмотреть возможность изобразительных средств для репрезентации отрицательных фактов (хотя Витгенштейн и отрицал само их существование): например, легко представить картину, соответствующую предложению «Кошка на коврике», но как изобразить ситуацию, соответствующую отрицательным или условным предложениям?

Нам кажется, что подобные возражения были бы уместны, если бы понятие образа ограничивалось визуальными характеристиками, — тогда витгенштейновское понимание образности можно было бы распространить на вербальные знаки. В этом случае вербальные знаки предстают продолжением изобразительных — как в вышеприведенном тезисе (4.016) Витгенштейна буквы рассматриваются в качестве расширения иероглифов. Образом соответствующих негативных или модальных фактов становятся соответствующие предложения: «Кошки на коврике нет» или «Будь кошка на коврике, собака была бы на кухне», а не какие-либо картинки.

Хотя сам Витгенштейн постоянно иллюстрирует свои положения примерами изобразительного и пространственного характера, тем не менее в его определении образа он очищает это понятие от *чувственно воспринимаемых* характеристик⁹ и сводит его к формальным (структурным) отношениям. Образом оказывается не только само отображение, но и его форма:

2.15. То, что элементы образа соединяются друг с другом определенным способом, показывает, что так же соединяются друг с другом и вещи. Эта связь элементов образа называется его структурой, а возможность этой структуры — формой отображения этого образа.

2.151. Форма отображения есть возможность того, что предметы соединены друг с другом так же, как элементы образа.

2.1513. Согласно этому взгляду, образу принадлежит также отношение отображения, которое и делает его образом.

Стросон, безусловно, правильно отметил, что понятия «факт» и «предложение» взаимозависимы, но это было очевидно и для Витгенштейна:

2.1. Мы создаем для себя образы фактов.

2.141. Образ есть факт.

Факты и отображающие их образы (в первую очередь, пропозициональные знаки, предложения) обладают общей структурой, это на самом деле не отдельные сущности, а трансформации одного в другого, и здесь уместно воспользоваться метафорой, к которой по достаточно близкому поводу прибег сам Витгенштейн:

4.014. <...> Все они имеют общую логическую структуру. (Как в сказке о двух юношах, их лошадях и их лилиях. Они все в некотором смысле одно и то же.)

---

⁹ *Чувственно воспринимаемое* у Витгенштейна относится к плану выражения предложения, а его смыслом будет правило отображения, «проекция» — ср.:

3.1. Мысль в предложении выражается чувственно воспринимаемо.

3.11. Мы употребляем чувственно воспринимаемые знаки (звуковые или письменные и т. д.) предложения как проекцию возможного положения вещей. Метод проекции есть мышление смысла предложения.

Как видим, не все то «образ», что может быть нарисовано. Образ может отображать и то, что не существует, и то, что можно считать неким аналогом отрицательных или мнимых чисел. Отношение отсутствия либо контрфактические или кондициональные отношения — также отношения. Естественный язык раздвигает пределы выразительности, позволяя изобразить то, что невозможно изобразить в виде картины.

Безусловно, корреспондентная теория семантики не может охватить весь спектр семантических явлений и должна быть дополнена теориями, связывающими значение с контекстами и правилами употребления. Однако применительно к рассматриваемой проблеме, если придерживаться предложенного Витгенштейном логико-семантического понимания иконичности, вышеприведенные возражения не должны считаться принципиальными.

6

В заключение наметим, какие возможности предоставляет подобное понимание отношения между означаемым и означающим. В первую очередь, это возможность такой лингвистической (семиотической) теории, которая была бы основана не на символическом, а на иконическом понимании языка. Это будет лингвистика и семиотика, где в качестве исходной единицы рассматривается не слово, а предложение (как, например, в различных версиях порождающей лингвистики). В таком случае не живопись, а естественный язык должен был бы рассматриваться как вторичная моделирующая система. Именно так Витгенштейн склонен понимать соотношение между иконом («картиной») и символом (пропозицией, пропозициональным знаком, предложением) — второе есть производное от первого и сохраняет его логическую структуру. В свою очередь, это даст возможность описания таких знаковых систем, в которых нет исходно заданного набора знаков (словаря, алфавита). Подобные системы существуют и хорошо известны (кинематограф, живопись, скульптура), но их описание еще не привело к выработке соответствующего методологического инструментария. Попытки найти «исходные» элементы живописи приводит к таким незначковым объектам, как линии, фигуры или цвет, что было зафиксировано в истории живописи и скульптуры.

Однако, как видим, вполне возможна семиотика, в которой в качестве знака будет выступать некоторый целостный комплекс (образ), который есть одновременно и знак, и сообщение, и структура. При этом на иконические знаки могут распространяться такие характеристики символических знаков, как интенциональность и конвенциональность, а отношение изоморфизма может быть осложнено также каузальным отношением.

Хотя Витгенштейн говорит о предложении/пропозиции, эти идеи вполне могут использоваться в семиотике текста — как описание принципов отображения (подобия), устанавливаемого между миром и текстом. Ведь если говорить об описании положения дел, то очевидно, что это должен быть текст (как некоторое полное описание состояния дел,

конъюнкция атомарных предложений — возможный мир, согласно Рудольфу Карнапу). Введение модальностей также требует введения понятия *комплекса предложений* (вновь упомянем о модельной структуре С. Крипке (Крипке, 1974), естественной языковой репрезентацией которой может быть только упорядоченное в форме текстов множество пропозиций со стратифицированной областью референции). Но для Витгенштейна это не бесконечная или конечная последовательность предложений, а картина мира со всеми предполагаемыми «изобразительными» коннотациями:

3.01. Совокупность всех истинных мыслей есть образ мира (Bild der Welt).

Продолжим: при этом не только мир может описываться посредством текста (текст как картина мира), но и сам выступает как картина самого себя, то есть как текст. Однако эти и другие вопросы требуют особой углубленной проработки. Здесь же нам важно было показать, что возможно отойти от лежащего в основе семиотики понимания знака как дискретного и символического явления, основанного на условной связи между означаемым и означающим. Вполне приемлемо в качестве основы для альтернативной семиотики и витгенштейновское понимание базисного знака как картины, то есть некой целостной и состоящей из недискретных компонентов структуры и системы, которая не составляется из заранее заданных знаков-компонентов, а сама формирует внутри- и межтекстовые структуры. Тексты, которые являются знаками, но не состоят из знаков, — это вовсе не какое-то экстравагантное отклонение, они вполне обычны: продукты кинематографа или живописи не используют готовые знаки из заданного алфавита, а сами создают их в процессе функционирования в качестве текста. Соответственно, возможна семиотика текста, в которой подобные явления рассматриваются как первичные: это будет недискретная (не предполагающая расчленение текста на единицы словаря) и/или иконическая семиотика, основанная не на догме об условности связи между означаемым и означающим, а на положении о допускающем различные проявления изоморфизме между ними.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №18-18-00442, «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках») в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Калининград).

Список литературы

- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
Золян С. Т. Текстцентричная семантика и теория перевода // Иностранные языки в высшей школе. 2013. Вып. 2 (25). С. 11 — 18.
Золян С. Т. Между миром и языком: к основаниям семиотики текста // МЕТОД: московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин : сб. науч. тр. Вып. 5: Методы изучения взаимозависимостей в обществоведении / ред. и сост. вып. М. В. Ильин. М., 2015. С. 250 — 265.

Ильин М. В. Образ, облик, эйдос, фигура, паттерн. Как слова помогают распознавать образы, ощущать их, понимать значения и смыслы? // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 2. С. 6–20.

Крипке С. Семантический анализ модальной логики // Фейс Р. Модальная логика. М., 1974. С. 253–303.

Лессинг Г. Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии / пер. Е. Эдельсона // Избранные произведения. М., 1953. С. 385–516.

Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М., 1959. Т. 13. С. 1–167.

Фомин И. В. О семиотической модели образа // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 2. С. 37–51.

Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983. С. 102–117.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980.

Searle J. R. *The Construction of Social Reality*. N. Y., 1995.

Wittgenstein L. *Philosophical investigations*. L., 1958.

Об авторе

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт философии, социологии и права Национальной академии наук Армении, Армения.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

Для цитирования:

Золян С. Т. «...Образ мира, в слове явленный»: Людвиг Витгенштейн и иконическая семиотика // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 9, № 2. С. 21–36. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-2.

«...THE IMAGE OF THE WORLD REVEALED IN WORDS»: LUDWIG WITTGENSTEIN AND THE ICONIC SEMIOTICS

S. T. Zolyan^{1, 2}

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University

14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

² Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia

44 Arami St., Yerevan, 375010, Armenia

Submitted on April 15, 2018

doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-2

The article discusses an alternative version of semiotics in which the process of semiosis is based not on metonymic symbolization (substitution), when one entity stands for another, but on the metaphorical (iconic) representation. The author suggests considering iconicity as a basis for relating the signifier and the signified. This relation is understood as a construed one rather than something determined by physical similarity. The basis for such a revision of iconicity can be found in Lessing's treatise "Laocoon", and the conception of iconicity is described in Wittgenstein's "Tractatus". In the picture theory of language, iconicity is understood as a logical isomorphism between structures. This allows the author to expand the concept of iconicity – due to the use of verbal means, an image can denote both actual, possible and even non-existent entities. This makes it possible to consider a sign as not only a discrete and symbolic phenomenon based on an arbitrary connection between the signified and the signifier. Alternative semiotics can be based on Wittgenstein's understanding of a sign as a

picture, a holistic structure of non-discrete components and a system, which is not construed from given components. It is a system, which forms intra- and intertextual structures. In this way, it will be possible to describe texts that are signs but do not consist of signs (movies, paintings) and create signs in the process of functioning. Accordingly, one can speak about the semiotics of text, in which such phenomena will be considered as primary ones. This will be a non-discrete and/or iconic semiotics, based not on the dogma of the arbitrary connection between the signified and the signifier, but on various types of isomorphism between them.

Keywords: sign, image, iconicity, Lessing, Wittgenstein, pictorial theory of language.

References

- Vitgenshtein, L., 1958. *Logiko-filosofskii traktat* [Logico-philosophical treatise]. Moscow. 131 p. (in Russ.).
- Zolyan, S.T., 2013. Text-centric semantics and translation theory. *Inostrannyye yazyki v vysshei shkole* [Foreign languages in higher education], 2 (25), pp. 11–18 (in Russ.).
- Zolyan, S.T., 2015. Between the world and the language: To the bases of the semiotics of the text. *METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook of works from social science disciplines], 5, pp. 250–265 (in Russ.).
- Il'in, M.V., 2018. Image, eidos, figura, pattern. How words help to recognize patterns and understand their reference and sense? *Slovo.ru: baltiiskii aktsent* [Slovo.ru: The Baltic accent], 9(2) (in Russ.). doi: 10.5922/2225-5346-2018-2.
- Kripke, S., 1974. Semantic analysis of modal logic. In: R. Feys. *Modal'naya logika* [Modal Logic]. Moscow. pp. 253–303 (in Russ.).
- Lessing, G.E., 1953. Laocoon, or the boundaries of painting and poetry. In: G.E. Lessing. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow. pp. 385–516 (in Russ.).
- Marks, K.K., 1959. To the criticism of political economy. In: K. Marks, F. Engel's. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow. 13, pp. 1–167 (in Russ.).
- Fomin, I.V., 2018. On the semiotic model of the image. *Slovo.ru: baltiiskii aktsent* [Slovo.ru: The Baltic accent], 9(2) (in Russ.). doi: 10.5922/2225-5346-2018-2.
- Yakobson, R., 1983. In search of the essence of language. *Semiotika* [Semiotics], pp. 102–117 (in Russ.).
- Lakoff, G., 1980. *Johnson M. Metaphors We Live By*. Chicago. 256 p.
- Searle, John R., 1995. *The Construction of Social Reality*. N. Y. 256 p.
- Wittgenstein, L., 1958. *Philosophical investigations*. London. 592 p.

The author

Dr Suren T. Zolyan, Professor, Institute of the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Leading Researcher, Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia, Armenia.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

To cite this article:

Zolyan S. 2018, «...The Image of the World Revealed In Words»: Ludwig Wittgenstein And The Iconic Semiotics, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 2, p. 21–36. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-2.